

слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко, сам радуясь тому, что читаешь им и что они тебя слушают и понимают тебя, сам любя словеса сии, изредка лишь остановись и растолкуй иное непонятное простолюдину слово, не беспокойся, поймут все, все поймет православное сердце!» (Б.К. 342)³.

Слово Священного писания рождается из Откровения. И если для того носителя веры, о котором шла речь выше, все бытие есть не что иное, как вечное творение и нескончаемая благая весть, исходящая от Бога Живого, то Слово попадает в родственный Ему мир и находит понимание, даже если ум не вполне охватывает Его. Именно народ, при всем своем невежестве, наиболее восприимчив к Слову Божию: «Гибель народу без слова Божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия». В этих словах о «жажде слова и всякого прекрасного восприятия» запечатлена та нерасторжимая связь, которая существует между тварным миром и Откровением и которую не уничтожил грех, хоть он и отяготил ее. «Прекрасное» напоминание нам о том, что «благодать», по-гречески – харис, означает также «очарование» и «обаяние» и что христианское сознание считает конечным состоянием и назначением человечества и мира по завершении их пути просветление и торжество вечной красоты, предсказанные Апокалипсисом. Корни этого христианского мироощущения уходят в глубины онтологии бытия. Ему чуждо искусственное разъединение слова Откровения и бытия мира – чуждо в той мере, в какой это всегда было чуждо для Востока, считавшего плодами искупления «новую тварь» и «блаженное бессмертие».

Связи эти настолько глубоки, что сам народ становится божественной тайной, в которую надлежит верить. Тот, кто теряет контакт с ним, теряет его и с самим живым Богом – мысль, которая может показаться сомнительной из-за элемента романтики, но которая обретает свое подлинное значение лишь из связи «народа Божьего» и «новой твари» в понимании Достоевского: «Кто не верит в Бога, тот и в народ Божий не поверит. Кто же уверовал в народ Божий, тот узрит и святыню его, хотя бы и сам не верил в нее до того вовсе». Тот, кому открывается тайна смиренного и исполненного веры существования народа, кто становится свидетелем мистерии творящего и искупительного Божия делания, тот получает доступ и к Самому Богу.